

ФИЛОСОФИЯ

УДК 100.73

ДОПОНЯТИЙНОЕ МЫШЛЕНИЕ (РЕКОНСТРУКЦИЯ ПАРАЛЛЕЛЕЙ ОНТО- И СОЦИОГЕНЕЗА)

канд. филос. наук, доц. **В.Н. СОКОЛЬЧИК**
(Белорусский государственный медицинский университет, Минск)

Предпринимается попытка реконструкции допонятийного мышления и выявления на этой основе важнейших характеристик этого способа мировосприятия, проводится сравнительный анализ мифологического сознания и рационального мышления, выделяются основные принципы допонятийного мышления. Современному человеку, воспитанному на принципах и законах классической логики, не просто признать несовершенство дискурсивного способа познания и оценить положительные стороны додискурсивного (чувственно-интуитивного), однако развитие познания, совершенствование науки действительно этого требуют.

На основании проведенного исследования делается вывод о том, что допонятийное мышление видит мир целостно и образно, однако не может приподняться над чувственно-конкретным восприятием действительности. Налицо взаимодополнение и взаимосовершенствование двух типов мышления, симбиоз которых мог бы стать основой нового «сверхрационального» мировидения, позволяющего воспринять мир в единстве его индивидуальности, целостности и структурности.

Введение

Допонятийное мышление – ранний этап формирования мышления, предшествующий дискурсивному (рационально-логическому) способу миропостижения. В ярко выраженном «хрестоматийном» варианте допонятийное мышление свойственно маленьким детям (обычно до 6 – 7 лет), а также ранним этапам развития культуры. Собственно на допонятийном мышлении строится мировидение всего человечества в начале его становления.

Принято считать, что допонятийное мышление примитивно, не способно к реальному осознанию и отражению окружающего мира; распространено мнение о его чрезмерной индивидуальности, в силу чего мир воспринимается «однобоко» (вне всеобщности, абстрактности, логической выстроенности). Однако при внимательном изучении допонятийного мышления выявляется существенная ограниченность такой точки зрения. Качественная особенность допонятийного мышления состоит как раз в его возможности видеть мир целостно, образно и в то же время чувственно-конкретно. В построении знаний о мире здесь опора делается не на строгие логические понятия и выводы, а на иррациональные основы познания – интуицию и творческую фантазию, позволяющие избежать чрезмерной схематичности, абстрактности и упрощенности в восприятии мира. Рассуждая о допонятийном мышлении, до недавнего времени большинство представителей современной науки оценивало его значение только как предварительный этап развития познания. При этом какой-либо когнитивной ценности допонятийного уровня освоения действительности для сегодняшнего развития человечества даже не предполагалось. По нашему мнению, такие взгляды, основанные на безусловном господстве классической логики, вполне подходят для науки Нового времени, однако сегодняшняя постнеклассическая наука в поисках альтернативных путей освоения действительности, нового видения и осмысления окружающего мира стремится в полной мере сочетать рациональное и иррациональное (дорациональное) в познании. Наука XXI века нацелена на формирование нового типа мышления, опирающегося на гармоничное равновесие чувственно-конкретного (живого, индивидуального) и абстрактно-всеобщего взгляда на окружающий мир.

В свете данной проблемы оправдан сегодня интерес философии, психологии и других наук к альтернативным и неклассическим системам логики, нетрадиционным способам построения познавательной и мыслительной деятельности, в том числе и к изучению допонятийного мышления. Последнее рассматривается с точки зрения его когнитивной емкости, непосредственности, единства.

Основная часть

Целостно обрисовывая феномен допонятийного мышления, следует сказать, что на данном уровне человек воспринимает мир образно, «контекстно» (т.е. все явления рассматриваются в связи с событиями и реалиями окружающей действительности), чувственно-эмоционально. При этом нет еще опоры на логические структуры при построении мысли, рациональный компонент переплетается с иррациональным, воспринимаемое, воображаемое и представляемое фактически сливаются и граница между ними исчеза-

ет. Допонятийное мышление чрезвычайно продуктивно в познавательном плане – оно позволяет человеку получать, перерабатывать и, что самое главное, осознавать огромное количество информации. В рамках допонятийного мышления человек приобретает максимум знаний о мире, выстраивает свои, специфические отношения с природой и социумом. Недооценивать значение полученных таким образом знаний, как это зачастую предлагают адепты логики и рациональности, было бы несправедливо.

Вместе с тем нельзя не согласиться и с мнением о том, что допонятийный этап познания ограничен временными рамками восприятия (здесь нет линейного понимания времени, оно циклично, замкнуто). Более того, на додискурсивном уровне человек не способен создавать абстракции, не может оперировать классами объектов, индивидуальность подчиняет себе всеобщность и понятие типизации становится бессмысленным. Одним словом, допонятийное мышление можно воспринимать и оценивать по-разному. В любом случае необходимо отдавать себе отчет в том, что додискурсивное осознание действительности имеет свои, сущностно отличные от мышления в понятиях характеристики и основы организации. Чтобы прояснить специфику и принципы функционирования допонятийного мышления, целесообразно обратиться к изучению ранних этапов развития культуры и первым шагам социокультурного развития ребенка, где допонятийное мышление является основой мировидения, основой построения картины мира. Также образно, на додискурсивном уровне, как видит, чувствует и понимает мир ребенок, так наши древние предки осваивали окружающий мир.

В предлагаемой статье, опираясь на реконструкцию функционирования допонятийного мышления в древних культурах и раннем психическом развитии ребенка, выявляются важнейшие характеристики этого давно утраченного современным взрослым человеком способа миропостижения, анализируется его качественное своеобразие, сущность и особенности. Автор стремится показать, что допонятийное мышление не только формирует своеобразное мировосприятие, но, главное, может служить альтернативой безобразности и абстрактности современного мышления, вариантом нового видения мира, стержнем которого является осознание гармонии мироздания. Система допонятийного мышления в своем функционировании опирается на несколько важнейших принципов, которые могут быть одновременно названы особенностями или характеристиками допонятийного мышления. Это – антиномичность (дуализм), синкретизм и эгоцентризм, а также трансдукция, объясняющая сам способ построения допонятийного мышления (формирование предпонятий и основанных на них умозаключений).

Антиномичность мышления проявляется в восприятии окружающего мира в его двойственности, в единстве противоположностей, в гармонии противоречий. Такая двойственность (антиномичность) наглядно прослеживается в допонятийном мышлении маленьких детей: мама одновременно и добрая и злая, сок и сладкий, и горький, лес красивый и страшный и т.д. (Отдаленные реминисценции такой антиномичности мышления можем наблюдать мы и в собственном общении; достаточно вспомнить фразы «красива до безобразия», «смешно до слез» и др.) На бытовом уровне, общаясь с маленькими детьми, мы воспринимаем такие «странности» скорее как неумение владеть речью (неумение использовать слова), но отнюдь не как особенность мировосприятия. Говоря об антиномичности (дуализме) мышления древних культур, что достаточно явно проявляется в мифе и ранних религиозных верованиях; исследователи, как правило, объясняют такую особенность специфическим мировидением (исследования Леви-Строса, Леви-Брюля, русских ученых В. Иванова и В. Топорова). Осознаваемая мировая двойственность (жизнь – смерть, женский – мужской, левый – правый) совершенно не противоречит здесь пониманию единства мира; гармония его как раз и состоит в единстве противоположностей. Так, согласно мироощущению древних, каждое доброе одновременно (в определенной ситуации) есть и злое, красивое сближается с безобразным, изящное с грубым, сильное со слабым. Соответственно, сакральное и обыденно-натуралистическое отношение к миру здесь неразделимо.

Своеобразное преломление осознаваемой мировой двойственности, цикличности и гармоничного единства мироздания можно проследить, анализируя древние мифы. Например, в древнеславянской мифологии значительное место занимает образ Ярилы. Ярила(о) – один из солнечных мифических олицетворений, характеристики его в мифе обусловлены мотивами весеннего оплодотворения природы, священного торжества жизни над смертью (Весны над Зимой), поэтому и большинство славянских весенних празднеств связано с культом этого божества. Однако в древнеславянской мифологической традиции параллельно существует и другой Ярила – прямо противоположный по своим характеристикам (в отличие от почитаемого весной Ярилы, в обрядах, ему посвященных, полностью отсутствуют мотивы любви и эротики, но появляются мотивы смерти; изображался он «плешивым стариком», едущим верхом на козле). В мифологических образах «двух» Ярил – молодого и старого, символа плодородия и символа немощи и умирания – древнеславянское мирозерцание попыталось отобразить философскую идею одновременного сосуществования в природе того, что в человеческой жизни происходит последовательно (или, точнее, что последовательным воспринимает человеческий разум).

Дуализм древнего мышления наглядно выражался и в том, что принадлежностью к божествам – олицетворениям благой природы наделялись не только «производящие» жизненные силы, но и их

противоположности – слабость, бесплодие, болезнь, смерть и т.д. Например, древнеславянское божество Хорст – олицетворение разрушительного предзнаменования смерти. В более поздние времена большие болезни и эпидемии также олицетворяются отдельными именами (например, белая дева (Чума) и т.д.). Равное поклонение и эстетизация всех добрых и «вредных» явлений природы – особенная черта древнего мирозерцания; мыслимое равнодушие к случайностям земного существования проистекало из глубокого сознания жизни, где все случайности примиряются в общем законе вечного разума. Антиномичность мышления, гармонизирующая противоположности и уравнивающая противоречия, становится «альфой и омегой» допонятийного мышления, поскольку позволяет выстраивать целостное и гармоничное мировосприятие, не нарушая при этом реальной противоречивости и «оппозиционности» окружающего нас природно-социального континуума.

Еще одна важнейшая характеристика допонятийного мышления – **синкретизм**, нерасчлененность и неразделимость сложного явления на отдельные компоненты, связанность всего со всем. Все едино, все есть все – таков принцип синкретизма. Синкретичность детского восприятия выражается в нерасчлененности чувственного образа объекта, в отсутствии выделения и соотнесения его внутренних связей и компонентов. Принимая связь впечатлений за связь вещей, ребенок неосознанно и ненаправленно (часто в процессе игры) переносит значение слова на ряд лишь внешне связанных явлений и объектов. Так, дети полагают, что сходные предметы обладают сходными свойствами (большие вещи должны быть тяжелыми, а маленькие – легкими). Вследствие синкретичного мировидения два явления, воспринятые одновременно, сразу включаются в общий план (контекст); а причинно-следственные связи подменяются субъективными, порожденными восприятием. Так, в детском мышлении оказываются неразрывно связанными не зависящие друг от друга события, которые происходят одно за другим или накладываются друг на друга (например, «ветер поднялся потому, что друг уехал»; «луна не падает потому, что большая, или потому, что светит» и т.д.). Иногда в сознании ребенка меняются местами причина и следствие. Таким образом, получается, что дождь идет потому, что деревья мокрые, а луна светит потому, что желтая; все оказывается взаимосвязанным в синкретичном мире ребенка.

Синкретизм детского мышления становится основой того, что ребенок воспринимает сложную композицию как целое, он не способен (или не стремится?) произвести анализ частей и усвоить их отношения. Так, когда в одном из экспериментов известного швейцарского психолога Ж. Пиаже [6] испытуемым предъявляли картинку, на которой на изображение человека было наложено изображение ножниц, взрослые видели эти фигуры попеременно, а дети воспринимали картинку как целое и отвечали, что это человек, но кто-то положил ножницы на его лицо. Синкретизм, по мнению русского психолога Л. Выготского, имеет большое значение для развития детского мышления с точки зрения постепенного перехода от синкретичных связей рядоположенных явлений к понятиям, выраженным в словах. Впрочем, гносеологическая ценность синкретичного мировосприятия состоит не только в том, что оно позволяет преодолеть очередной этап на пути к формированию рационального мышления. Главное, синкретизм, характеризующий допонятийное мышление, позволяет увидеть мир целостным, единым, осознать гармонию противоречий. Именно синкретизм детского мышления дает основу для игры, которая для ребенка становится с точки зрения взрослого «перевернутой» жизнью, где можно «все потрогать», «езде поучаствовать», «все понять». Игра в этом случае может быть рассмотрена как «средство взрывного уравнивания со средой в критических точках нашего поведения» [2]. Л.Н. Выготский писал: «Стоит взглянуть на ребенка – в нем гораздо больше возможностей жизни, чем те, которые находят свое осуществление (остальное – находит выход только через эстетическое переживание – игру, фантазию, сказку, песню и т.д.). Подобно тому, как во всей природе осуществившаяся часть жизни есть ничтожная часть жизни, которая могла бы зародиться... так же точно и в нервной системе осуществившаяся часть жизни есть меньшая часть реально заключенной в нас» [2, с. 236].

Архаичные люди и дети, оперирующие допонятийным мышлением, очень похожи друг на друга в познании мира. У детей это реализуется в игре, стремлении создать «перевернутый» мир, чтобы тем вернее утвердиться в законах, управляющих миром реальным; у древних наших предков все существование есть жизнь-игра, где образы реальности и фантазии причудливо переплетаются. Синкретичное мировосприятие становится здесь не только способом постижения мира, но и тем недостающим звеном, которое творчески соединяет образ человека, мира, природы.

Аналогично типической неразрывной связи игры и реальности в мировосприятии ребенка древняя культура изначально программирует единство мифа, обряда и реальности. Миф создает обряд, который в свою очередь отражает миф и его мироощущение. Первоначально обряд выступал, вероятно, не как символизирующее действие, а как реальное бытие мифа. Наиболее архаичные обряды воспроизводили желаемое как реально совершившееся; участвуя в обрядовых действиях, древние люди не проигрывали заново некую изначальную ситуацию, а проживали ее в действительности. Воображаемая ситуация получала статус подлинной реальности (кстати, тоже самое происходит и в детской игре – игровое пространство

для маленьких детей имеет статус реального пространства и времени, и все здесь происходящее имеет место «на самом деле»).

Говоря о синкретизме допонятийного мышления целесообразно подробнее обратиться к рассмотрению древнего мифа, в полной мере проявляющего все сущностные характеристики допонятийной стадии развития человечества. Как своеобразное преломление дорационального, дологического мышления миф представляет собой «суггестию» синкретичного мировидения. Древний миф может рассматриваться как единство объяснения и фантастического преобразования мира. Реализуя допонятийное мировидение, миф служит фантастическому превращению хаоса в космос, и наоборот. Преодоление хаоса (проявления враждебных людям стихийных сил) и становление космоса («правильного» и справедливого порядка) охватывает в мифологическом сознании сферу и природных, и социальных явлений. Преодоление допонятийного мышления мифа, синкретичного мировидения в образах-символах можно проследить на примере эволюции мифологии. Так, мифы древних славян в своем развитии прошли несколько стадий – от единых протоарийских, представляющих собой древнейший пласт и первооснову всех последующих общекультурных представлений разных народов (например, представление о гармонии как основе жизни и красоте как о благе) до разрозненных, позднеславянских.

Первоначально единые мифологические сказания, большая часть которых восходит к отдаленному времени протоариев и ариев. Представление об этом древнейшем «мифологическом комплексе» можно составить по индийским Ведам, которые, по меткому выражению А. Афанасьева, могут быть названы настоящей теогонией арийских племен, тогда как древнегреческая теогония Гесиода лишь «искаженная карикатура первоначального образа» [1, т. 1, с. 12].

В результате постепенного расселения народов следующим шагом эволюции мифа становится «низведение мифов на землю», т.е. прикрепление их к известной местности и историческим событиям. На данном этапе развития мифа происходит расчленение и усложнение первоначальных мифических образов, носивших синкретичный характер (например, эволюция мифических образов первопредков-демиургов выражает сакральную сторону развития мифологии); мир в этом слое мифов постепенно раздваивается, материальное все чаще противопоставляется сверхъестественному, культ становится умиловительным и реализуется в жертвоприношениях, молитвах.

Характерным, «хрестоматийным», примером этого этапа развития мифа могут служить мифы Древней Греции – в эпоху Античности архаичное синкретичное мировосприятие, отраженное в древнем мифе, подчиняется культу радио, логическому осмыслению гармонии мира, места человека в нем. Постепенно утрачиваются метафоры и иносказания древнейших мифов (их просто перестают понимать), последние лишаются их иррационально-эстетического подтекста и начинают восприниматься буквально.

Позднейший этап эволюции мифа – развивающаяся нравственная, этическая мотивировка мифических сказаний и распад мифа на историческую, эстетическую, этическую, культовую и другие составляющие, т.е. распад его синкретизма.

Примером синкретизма допонятийного мышления архаичных культур является и магия. Д. Фрэзер в известной монографии «Золотая ветвь» пишет: «Магическое мышление основывается на двух принципах. Первый из них гласит: подобное производит подобное или следствие похоже на свою причину. Согласно второму принципу, вещи, которые раз пришли в соприкосновение друг с другом, продолжают взаимодействовать на расстоянии после прекращения прямого контакта. Первый принцип может быть назван законом подобия, а второй – законом соприкосновения или заражения. Из первого принципа, а именно из закона подобия, маг делает вывод, что он может произвести любое желаемое действие путем простого подражания ему. На основании второго принципа он делает вывод, что все то, что он продельвает с предметом, окажет воздействие и на личность, которая однажды была с этим предметом в соприкосновении» [9]. Таким образом, мы видим, что первобытная магия (как, впрочем, и современная) опирается на логику синкретизма, логику допонятийного мышления – ритуальные действия оказываются причиной реально случившихся событий, проведение магических операций над фигуркой человека несут болезнь или здоровье мужчине или женщине, которые были прототипами этой фигурки. В мире древнего человека все элементы вселенной настолько сильно взаимосвязаны и нерасторжимы, что зачастую становятся идентичными друг другу.

Анализируя проблему синкретичности архаичного мировосприятия, российский философ и культуролог М.С. Каган в своей монографии «Введение в историю мировой культуры» писал: «Общая закономерность становления всех сложных и развивающихся систем состоит в том, что их подсистемы и элементы еще не развились в такой мере, чтобы они могли обособиться друг от друга, обрести относительную самостоятельность и вступить друг с другом в определенные отношения. На этом уровне своего существования целостность системы проявляется скорее в ее аморфности, нежели в четкой структурной организованности» [4]. Эта «нерасчлененность» элементов системы на раннем этапе, развиваясь, совершенствуясь через обособление и индивидуализацию, вновь оборачивается нерасчлененностью и «снятием» индивидуальности элементов в их структуризации на уровне сложно организованной системы. Вопросы целостно-

сти, гармоничности и неразделимости элементов системы и, соответственно, стратегий ее существования и развития решает сегодня одно из приоритетных направлений современного научного знания – синергетика.

Итак, одно из новейших научных направлений, сегодня вновь приходит к давно преодоленной парадигме синкретичного мировосприятия. Не означает ли это, что в определенном смысле синергетика стремится сформировать новый взгляд на мир, освободиться от «логических пут» и возвратиться к целостности и образности допонятийного мышления?

В целом синкретизм, на котором основывается мировосприятие детей и древних культур, служит созданию единого гармоничного образа мироздания. Принцип синкретизма и принцип антиномичности мышления (который рассматривался выше) вкуче задают парадигму видения и осознания окружающего мира; функционирование этих принципов объясняет целостность, системность, образность и внерациональность допонятийного мышления.

Наряду с синкретизмом и антиномичностью, специфической характеристикой допонятийного мышления можно считать **эгоцентризм**. В современных работах по психологии, культурологии, философии термин эгоцентризм используется зачастую в самых разных значениях, поэтому необходимо прояснить, что мы имеем в виду, говоря об эгоцентризме ребенка и эгоцентризме древнего человека. Синонимами эгоцентризму отнюдь не являются понятия эгоизма или антропоцентризма. Эгоцентризм в контексте изучаемого вопроса это отражение позиции наблюдателя, органично включенного в окружающий мир, слитого с миром. Можно сказать, мир смотрит твоими глазами, слышит твоими ушами, улавливает твоими тактильными ощущениями, однако ты – наблюдатель и участник, но отнюдь не цель наблюдаемого, не итог процесса, не вершина пирамиды.

Так, в экспериментах швейцарских психологов Ж. Пиаже и Б. Инельдер [7] ребенку показывали макет из 3-х гор разной величины. Предлагалось также несколько фотографий макета, на котором три горы были изображены с разных сторон. Испытуемый легко выбирал фотографии, где горы изображались так, как он видит их в данный момент, но на предложение выбрать фотографии, показывающие, как видит макет кукла, сидящая с другой стороны, ребенок, затрудняясь, опять же предлагал только свой вариант (т.е. как видит макет он сам). Если ребенка и куклу меняли местами, то снова и снова он выбирал тот снимок, где горы имели такой вид, как он воспринимал их со своего места.

Еще более яркими примерами эгоцентризма детского мышления являются всем известные факты, когда дети при перечислении членов своей семьи себя в их число не включают. Р.М. Грановская в «Элементах практической психологии» так определяет эгоцентризм ребенка: «Вследствие эгоцентризма ребенок не попадает в сферу своего собственного отражения, не может посмотреть на себя со стороны... не способен производить преобразования системы отсчета, начало которой жестко связано с ним самим. Это не позволяет детям до пяти лет правильно понять ситуации, требующие некоторого отрешения от собственной точки зрения и принятия чужой позиции» [3, с. 142].

Ранние этапы культуры также характеризуются мировосприятием, основанным на принципах эгоцентризма. Это достаточно характерно проявляется в представлениях человека о своей неотделимости, слитности с окружающим миром, в ощущении себя частицей природы, космоса, мироздания, что характеризует мифологическое творчество разных народов, раннюю философию (космоцентризм древних греков), поэзию.

В древнем обществе человек, ощущая неразрывное единство своего я и окружающего мира, не осознает себя как нечто особенное, неповторимое, отличное от него. Человеческая индивидуальность не представляет здесь никакой значимости; изгнание из общины было равносильно смерти не столько физической, сколько «духовной» – потеря рода как потеря себя, как отсутствие, как исчезновение «я».

Собственное «я» в древнейших слоях культуры не существует как нечто абсолютно отдельное (я – это часть, составляющая целое), поэтому, вероятно, и появление в языке местоимения «я», собственных имен человека, да и вообще понятий, отделяющих человека от окружающих объектов, – явления, относящиеся к сравнительно поздним этапам словотворчества. Согласно теории происхождения языка Б.Ф. Поршнева, от «века команд» (призывы и сигналы необходимые во время охоты) человек постепенно приходил к необходимости называния самих предметов, самое же позднее явление языкотворчества – называние самого человека. Только ко времени таяния ледника люди все больше становятся оседлыми, человек живет дольше, его существование более спокойно и постоянно, только тогда человек получает право на имя. (Маленькие дети тоже редко пользуются местоимением «я» – называя себя, зачастую говорят о самих себе в третьем лице – «Ваня ходил в цирк», а не «я ходил...»).

Преодоление эгоцентризма происходит в процессе становления мышления и связано с ростом самосознания (началом этого этапа можно считать для ребенка шесть – семь лет, для культуры в целом – античность и Средневековье). В античной лирике, например, уже слышны отзвуки развивающейся индивидуализации и самосознания – творчество Сапфо, Катулла, Горация, как и других поэтов Греции и Рима, являет нам доказательство того, что человек начинает осознавать себя неповторимым. Это суще-

ственно отличает античную культуру от более древних, где индивидуальность – только часть целого, неотделимая от него.

Парадигмальная установка допонятийного мышления на невосприятие субъектом себя в поле мира, на невычлененность себя из рода, общины, постепенно снимается и замещается на противоположную – раскрытие собственной индивидуальности и неповторимых личностных качеств. Впрочем, если развитие ребенка от допонятийного к понятийному мышлению практически нельзя остановить (и двигателем этого развития являются развитие психики, с одной стороны, и социокультурная обстановка, с другой), то в развитии культуры «эгоцентрическая» установка, в целом уступившая место антропоцентризму, сохраняется и сегодня в некоторых феноменах культурного творчества. Ярким примером тому может служить иконопись. Проблемы отражения позиции «наблюдателя» в работе иконописца рассматривает известный русский философ П. Флоренский в работе «Обратная перспектива» [8]. Сразу оговорюсь, что существуют значительные терминологические расхождения между пониманием эгоцентризма, предложенным в данной статье, и в работах П. Флоренского. Флоренский называет эгоцентричной систему прямой перспективы, не использующуюся в иконе, однако, на наш взгляд, характеристики языка иконописи, и прежде всего языка обратной перспективы, наиболее точно совпадают именно с мировосприятием допонятийного мышления. По мнению П. Флоренского, обратная перспектива выносит центр за человеческие пределы, выражая важнейшую мысль иконы как созерцания «горнего» мира. Икона использует эффект «близкого видения» (в силу бинокулярности нашего зрения на малых расстояниях человек видит мир именно в обратной перспективе), т.е. ближние к нам предметы воспринимаются малыми по размеру, дальние – большими. Этот эффект и его следствия, заключенные в детских рисунках, древнейших изображениях (а также в иконе!), объясним из принципа эгоцентризма древнейшего допонятийного мышления: во-первых, человек – начало пути, который приводит к цели, а, во-вторых, то, что вблизи и то, что внутри, можно увидеть только отказываясь от собственной субъективности.

Таким образом, эгоцентризм допонятийного мышления – еще одна сущностная характеристика дорационального, додискурсивного освоения мира. Эгоцентрическая установка обосновывает парадоксальную способность человеческой психики – возможность соединить в восприятии беспристрастный и индивидуально-заинтересованный взгляд на мир, ощутить свою самость, при этом не вычленив себя из природно-человеческого космоса. Впрочем, само использование предлагаемого психологами термина «эгоцентризм», как уже говорилось выше, не всегда корректно и относительно допонятийного мышления требует уточнений и разъяснений. Собственно говоря, эгоцентризм, синкретизм, антиномичность по-разному объясняют одну и ту же сущность – способность допонятийного мышления к всеобъемлющему восприятию мира, в образе которого единичность и целостность, гармония и противоречия, сливаясь, не заслоняют индивидуальности. Механизмы построения и проявления такого индивидуально-целостного видения мира обеспечивает трансдукция, определяющая схемы создания «предпонятий» и выводов допонятийного мышления.

Трансдукция характеризует способ рассуждения, основанный на переходе от частного к частному, минуя общее, на смешении единичного и некоторого. (Во многом трансдукция сравнима с индуктивными умозаключениями по аналогии, однако полностью ими не подменяется, поскольку опирается в выводе и непосредственно в заключении только на единичные суждения).

Еще древнегреческий философ Аристотель, заложивший основы логики, классифицировал суждения (важнейшие единицы логического мышления) на общие и частные. Он утверждал, что если обе посылки частные, то из них нельзя сделать правильного логического вывода; законы природы и общества могут быть выражены только в форме общих суждений, истинных для всех предметов данного класса. Вывод (умозаключение), сделанный на основе таких посылок, не требует непременно личного опыта, он может быть сформулирован при помощи силлогизма, созданного в историческом процессе развития мышления (например, драгоценные металлы не ржавеют; золото – драгоценный металл, следовательно, золото не ржавеет). Для того чтобы силлогизм стал основной операцией логического мышления, необходимо соблюсти целый ряд условий: во-первых, человек должен согласиться с большей посылкой и принять ее с полным доверием, не сопоставляя с личным опытом и отдавая себе отчет в том, что она представляет из себя общее правило, не допускающее исключений; во-вторых, он должен понять, что меньшая посылка указывает ему на то, что определенный объект относится именно к тому классу, относительно которого сформулировано общее правило и, следовательно, этот объект обладает всеми теми качествами, о которых говорилось в общем правиле. Таким образом, вывод – это включение конкретного объекта в категорию, указанную в большей посылке. Эта операция возможна только в том случае, если обе посылки рассматриваются не изолированно друг от друга, а в едином контексте.

Но для допонятийного мышления доминирующее значение имеет только личный опыт, здесь не сформирована система словесно-логических отношений и построение выводов не подчиняется законам классической логики (в частности, классическим силлогизмам). Это было убедительно показано советским психологом А. Лурия, изучавшим историческое развитие познавательных процессов. А. Лурия про-

сил неграмотных крестьян сделать вывод из предлагавшихся посылок: «на далеком Севере, где всегда снег, все медведи белые. Новая Земля – на далеком Севере, там всегда снег. Какого цвета там медведи?». Обычный ответ гласил: «Я не знаю, какого цвета там медведи, я на севере не был» или «Мы всегда говорим только то, что видим, того, чего мы не видим, мы не говорим» [3]. Операция логического вывода из посылок не имела для испытуемых универсального значения, основная роль в умозаключении отводилась здесь собственному практическому опыту. Аналогично рассуждают и маленькие дети. Предложенные посылки, из которых согласно классическому силлогизму следует однозначный вывод, они располагают независимо друг от друга, изолированно, в результате чего нарушается основное правило построения правильных умозаключений и итоговый вывод либо вообще невозможен, либо абсолютно неоднозначен.

В трансдукции абсолютно преобладают единичные суждения, т.е. суждения о данном, конкретном предмете, поэтому они категоричны и обычно относятся к наглядной действительности. Так, при объяснении какого-либо явления как дети, так и первобытные люди все непонятное сводят к уже известному и знакомому, при этом привычное соотношение между причиной и следствием для них не имеет значения (солнце закатилось, потому что устало и пошло спать; в комнате темно, потому что мне страшно).

Основой всех схем трансдукции становится «предпонятие», занимающее срединное положение между обобщенной природой понятия и индивидуальностью составляющих его элементов. В нем происходит смешение индивидуальности и классов, при которой сохраняется неповторимость индивидуальности, но может быть отмечена значимость и общность, присущая классам. Ребенок двух-трех лет говорит «улитка» или «улитки», «луна» или «луны», не придавая этому различию никакого значения и не решая, являются ли улитки, встречающиеся ему во время прогулки, или лунные диски, которые он время от времени видит на небе, одним индивидом (единственной улиткой или единственной луной) или классом различных индивидов. Действительно, с одной стороны, ребенок в этом возрасте еще не может выделять общие классы, поскольку у него отсутствует различие «всех» и «некоторых». С другой стороны, построение понятия постоянного индивидуального объекта для сферы близкого действия еще не означает, что вместе с тем построено аналогичное понятие для большего пространства или повторных появлений объекта через определенные промежутки времени. Еще в четыре года тень, отбрасываемую при помощи экрана на стол в закрытой комнате, дети объясняют той тенью, которая бывает «под деревьями в саду» или ночью и т. д., и полагают, будто эти тени проникли в комнату непосредственно в тот момент, когда на стол был поставлен экран.

Таким образом, «предпонятие», оставаясь в целом промежуточным феноменом, объединяющим индивидуальное и общее, является репрезентативной схемой, позволяющей, в частности, представлять большое количество объектов через посредство отдельных избранных элементов, не теряя при этом индивидуального образа последних. Такие индивиды-образы (или индивиды-типы) оформляются и конкретизируются в слове и символе. Причем и слово, и символ непременно носят образный характер, схватывая не только «типичность» обозначаемого, но и его неповторимый облик, его сущность, его связи с окружающим миром. В то же время логические понятия, являющиеся результатом абстрагирования и представляющие собой результаты классификации и категоризации объектов внешнего мира, утрачивают структурную связь с обозначаемым объектом, не сохраняют его индивидуальных особенностей.

Отношение к слову у ребенка непосредственно связано с символическим характером последнего. Именно поэтому дети до 4-х лет зачастую не довольствуются теми словами, которые употребляют взрослые, стремясь из нескольких слов составить словообраз, более точно определяющий данное явление. То же можно наблюдать и исследуя древние культуры, мышление которых характеризуется трансдукцией. Слово здесь – способ дорационально-чувственного постижения мира, первотворчество. Слово для древнего человека не может быть просто знаком, указывающим на известное понятие – его функциональность связана не только с обозначением какого-либо объекта, но и «обрисовкой» его. Такое слово-художественный образ живописует самые характерные оттенки предмета и яркие, картинные особенности явлений. Например, свои эстетические ощущения от обычных и, казалось бы, непримечательных явлений природы древний славянин выражает эмоционально-образно: *зыбун* – неокрепший грунт земли на болоте; *сеночной* – мелкий, но продолжительный дождь; *листодер* – осенний ветер; *леи* – проливные дожди; *холоднянка* – лягушка; *изъедуха* – злобный человек и т.д.

Человек по природе своей поэт – освободи его от пут научного миропонимания и он в облаках увидит не туманные испарения, а скажем, корабли, небесных животных или образы своей мечты (что и видит ребенок в привычной нам окружающей реальности). И лишь с «установлением» языка, его развитием и окончательной рационализацией, когда слух утрачивает свою излишнюю чуткость к произносимым звукам, когда слово словно теряет силой долговременного употребления свой живописующий характер, тогда с высоты поэтического, картинного изображения оно нисходит до степени абстрактного именованного – становится не живой поэтической картиной, а абстрактным «типическим» знаком. Символичность «предпонятий» наглядно проявляется в детской игре и раннем мифе, что еще раз подчеркивает параллелизм онтогенеза сознания и генезиса культуры. Для играющего ребенка (обед) камешек, представ-

ляющий конфету, осознанно признается символизирующим, а конфета – символизируемым. Более сложное оперирование символами можно наблюдать в любви ребенка к каким-либо «непонятым» предметам (железки, палочки и пр.) – в сознании ребенка – это символы силы, обладания, заботы, любви и т.д.

О символизме, присущем древним культурам и являющемся их отличительной характеристикой, написано очень много. Тем не менее еще раз напомним о том, что божества, представленные в древнем мифе, есть не что иное, как образы-символы, олицетворяющие природные силы. Так, божества древнеславянского мифа суть опоэтизированное личностное, чувственное постижение мира не столько одушевление и очеловечивание природных сил, сколько отражение этих сил в символах. Образное, художественно-конкретное мышление древнего мифа может восприниматься как попытка «проникнуть» в тайну мира не через разум, но через чувство, или, точнее, соединить чувственно-конкретное и типическое в «предпонятиях». Трансдукция, свойственная допонятийному мышлению, проявляется и в действующем в мифе принципе тождества мышления и бытия (так называемая «мифологическая апперцепция»), когда ощущения субъекта непосредственно становятся свойствами объекта. Характеризуя трансдукцию как основной механизм допонятийного мышления, необходимо отметить, что ее качественное своеобразие определяется прежде всего тем, в процессе рассуждения не теряется индивидуальность и образность единичного. В «предпонятиях» мир, воспринятый чувственно-конкретно, сохраняет свой неповторимый облик и безыскусную поэтичность.

Заключение

Мир, который видят наши дети, мир, который образно воспринимали наши далекие предки, вероятно, неизмеримо богаче и ярче, чем наша «взрослая» реальность. Обратитесь к детским играм и фантазиям, к древним мифам и сказкам и спорить с этим предположением будет очень сложно. А ведь дело не в изменении мира, а в изменении нашего мировосприятия и миропонимания. Абсурдно утверждать, что человек и человечество в целом немедленно должны стремиться повернуться вспять и вновь вернуться к допонятийному мышлению. Однако стоит преодолеть скептически снисходительный тон в вопросах его анализа. Вероятнее всего будущее антропосоциокультургенеза связано с новым этапом совершенствования мышления, с признанием эссенциальности образного, целостного, «контекстного» видения мира в противовес классической рациональности. Конечно, современному человеку, воспитанному на принципах и законах классической логики, далеко не просто признать несовершенство дискурсивного способа познания и оценить положительные стороны додискурсивного (чувственно-интуитивного), однако развитие познания, совершенствование науки настоятельно этого требуют. Рационально-логическое осмысление мира дает возможность подойти к проблеме абстрактно-типически, но при этом, к сожалению, за счет утери образности и индивидуальности. Допонятийное мышление видит мир целостно и образно, однако не может приподняться над чувственно-конкретным восприятием действительности. Налицо взаимодополнение и взаимосовершенствование двух типов мышления, симбиоз которых мог бы стать основой нового «сверхрационального» мировидения, позволяющего воспринять мир в единстве его индивидуальности, целостности и структурности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев, А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 3-х т. / А.Н. Афанасьев. – М.: Современный писатель, 1995 (Славянский мир).
2. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский; под ред. М.Г. Ярошевского. – М.: Педагогика, 1987.
3. Грановская, Р.М. Элементы практической психологии / Р.М. Грановская. – Л., 1988.
4. Каган, М.С. Введение в историю мировой культуры / М.С. Каган. – СПб., 2001.
5. Косарева, А.Б. Психологические механизмы культуры / А.Б. Косарева // *Studia culturae: Альманах кафедры философии культуры и культурологии Центра изучения культуры филос. ф-та С-Петербурб. гос. ун-та.* – Вып. 1. – СПб.: С-Петербург. филос. об-во, 2001.
6. Пиаже, Ж. Речь и мышление ребенка / Ж. Пиаже. – М., Л., 1932.
7. Пиаже, Ж. Генезис элементарных логических структур / Ж. Пиаже, Б. Инельдер. – М., 1963.
8. Флоренский, П.А. Обратная перспектива / П.А. Флоренский // *У водоразделов мысли / П.А. Флоренский.* – М., 1990. – Т. 2.
9. Фрезер, Дж. Золотая ветвь / Дж. Фрезер. – М., 1983.

Поступила 10.09.2006